

Редко кому удается переплавить прозу в жизнь.
Чтобы она стала жизнью и музыкой одновременно.

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись...

Желание искусства – древнее, вечное желание мужчины вернуть-ся в лоно женщины, достучаться до пра-рождения, до пра-зачатия, до зарождения мира, воочию поглядеть на Большой Взрыв, который бес-счетное количество раз повторялся на земле в любовном соединении всех живых, живущих пар.

Повесть о любви?

Рассказ о физике, гениально одаренном, но у которого Бог отнял право на Его познание?

Повесть Игоря Фролова «Учитель Бога» была бы святотатственной – если бы не великолепная, благоговеиная дрожь автора, скрытая в сло-вах и за словами, перед изначальной сакральностью жизни.

Она была бы вполне жизнеописательной, если бы не сама коллизия, замахивающаяся на чистую онтологию.

Она может показаться лирической, любовной, если бы не соответ-ствие, равенство изображенной в ней любовной истории – самой тайне Вселенной, которую главный герой разгадывает.

Вернее, в юности, очарованный первым чувством – даже не к жен-щине! а сначала – к полному счастью и чистой прелести старому и тоже, как он, юному миру! – он эту загадку УЖЕ разгадал. Уже. Все соверши-лось в самом начале пути. Юный мальчик, гений-физик, и его учитель-ница, читающая его тетради, его записи, и понимающая: вот оно, над чем бились физики всех времен и народов, вот он, новый Эйнштейн! Пугает это ее? Притягивает? Она понимает: перед ней почти ребенок, и этот ребенок на самом деле – взрослый, мудрец, старик, и его возраст равен возрасту мира.

Гений изначален и обречен. Изначален, потому что таким рожден, и в своем бытии повторяет матрицу создания мира, ибо гений отроду знает, как устроен мир; он только делает вид, что постепенно, по ходу действия, внутри временного отрезка биографии, узнает эту тайну. Это все просто потому, что существует время, и во времени надо уметь плыть; а на самом-то деле гений и есть САМА эта тайна мира. Ее воп-лощение. Ее образ и подобие.

Человек создан по образу и подобию Божию, сказано в Писании. Само Писание с виду – продукт ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО деяния, и человеческие руки записывали Богодухновенные слова. Великая формула Эйнштейна, ставшая настолько знаменитой, что скоро ее будут повторять в детских садах, является прямым выражением существования Бога, – словом «Бог» верующие обозначают любовь, а атеисты – непознаваемое.

Но мир состоит не из сплошных агностиков. Величайшим желанием человека во все времена было – ПОЗНАТЬ.

«Он писал в блокноте формулу за формулой, перемежая своими восклицательными ремарками, и в пятом параграфе статьи он увидел главную ошибку, крупный черный бриллиант, за который была куплена земная слава теории. Это был математический фокус, достойный сборника Гарденера. “Да ты фокусник, брат! – пробормотал он почти одобрительно. – Гудвин относительности...”

Лежа в мокрых одеялах, онпил остывший чифирь, курил беломорину, сыпал горящий пепел на страницы блокнота, смахивал его и быстро писал – обрывая слова и формулы для скорости, и легкость пальцев нарастала, и звон в ушах... Теперь он знал, как чувствовал себя человек, открывший гробницу Тутанхамона и взглянувший в его золотые глаза.

Легкость достигла степени бесчувствия – карандаш выпал из пальцев, – папироса зашипела в кружке с набухшей заваркой, в глазах начало быстро темнеть, вместо картинки окружавшего его мира – неровной стены с облетевшей извешкой, трухлявого плитуса, книги и блокнота – возникла огромная шахматная доска, уходящая в бесконечность бесконечными косыми клетками. Он вжался лбом в подушку, зажмурился, успев подумать – неужели можно умереть вот так, на пороге открытия? – и пропал. Но перед тем как исчезнуть, успел услышать чей-то голос, сказавший какое-то слово, кажется, на немецком.

Когда он очнулся, в окне было голубое небо, а на стене багровели полосы закатного солнца. Он был полностью здоров, хотя и слаб. Одевшись, вышел на улицу и стоял, как воскресший, вдыхая мокрый закат. Во двор входили уборщики картофеля, неся ведро, полное янтарного солнца.

– Ты жив? – спросили они. – Готовь кружку, лечиться будешь...»

Что есть озарение? Что есть прозрение?

Героя Игоря Фролова все это посетило в юности – внутри той блаженной, благословенной поры, когда юность мира-Множества равновелика юности Одного. «Единое во Множественном, а Множественное в Едином!» – этот постулат «Алмазной Сутры» оказался внятен юноше, ухватившему за хвост секрет, над которым бились поколения ученых и философов. А ему все это сразу, щедро дано, высыпано в протянутые руки, внутрь чистого сердца.

Чистота сердца – вот что притянуло Елену Евгеньевну, преподавателя, что вела в университете семинар по физике. Вот что заставило ее, вдвое старше юноши, подарить ему себя с безоглядностью такой же чистой юности. Это встреча двух ангелов; плоть лишь требует своего, плоть здесь становится чистым духом, сияющим солнцем. Женщина исчезает из жизни мальчика по своей воле. Это мудрое решение, и это ее решение; она оставляет ему письмо, которое мы прочитаем, вместе с двумя героями-друзьями, в конце повести.

Стоп! Оказывается, у героя есть друг!

Он тоже безымянный, как и юный гений, ставший потом городским сумасшедшим. Повесть и начинается со встречи двух друзей. Они не виделись пятнадцать лет. Один другому предлагает искупаться, потом посидеть за бутылкой вина. Внутри этой встречи, внутри этого разговора, как игрушечный кораблик, чудом всунутый в пустую бутылку, и живет ВСЯ жизнь непризнанного гения – от начала до конца.

Друг-рассказчик так подробно и дотошно, так всезнающе проследит путь друга-гения, что мы можем усомниться – а может, это он сам тот юный гений и есть? Может, это от первого лица, от тщательно, за мифологемой героя запрятанного «я», и ведется с виду неторопливый, а на деле напряженный и упругий, как пружина, полный тайного драматизма рассказ? Простой рассказ о трагедии человека, которому Бог дал ВСЕ, чтобы выявить Себя, и который, в погоне за формулой Великого Мирового Порядка, свалил в неряшливую абстрактную кучу все явления богатого на трагедии мира, всю природу, упорно не желающую раскладываться по полочкам человеческого острого, как скальпель, интеллекта. «Музыку я разъял, как труп...»

На протяжении всей повести мы наблюдаем, как из осененного счастьем гения человек постепенно, шаг за шагом, становится сумасшедшим, понятно, не осознающим свое сумасшествие.

Как из Моцарта он становится Сальери.

Единственное время, когда герою-гению удалось побыть не вьедливым Сальери, а еще юношей Моцартом, не знающим себя, впивающим сладость жизни жадными нежными юными губами, всем телом, плавно перетекающим в душу, – это время его любви к своей учительнице, показавшей ему не только свое горячее нагое тело – показавшей ему бессмертный, настоящий свет. Тот, который и был при начале мира; тот, который, возможно, будет при его конце, ибо «в моем конце – мое начало».

Слава Тебе, показавшему нам Свет...

Христианская формула, формула литургии, очень точно отражает и выражает световую сущность мира; кванты света, которые нельзя втиснуть ни в определение частицы, ни в определение волны, ярче, мощнее всего дают понять, что тайна одновременно и плотска и бесплотна; и сияюща и темна; и смертна и вечна.

Мир – вечный дуал, двуликий Бог; и одно его лицо мужское, а другое женское. Только эта юная, смертная любовь дала герою понять, зачем он появился на земле.

«И вот тут, на вершине, глядя назад и вниз, я вижу, что вся та бурная, наполненная жизнь, призванная уравновесить, оплатить намытым песком живых впечатлений ту, невесть откуда взявшуюся, тикающую, как часы или бомба, теорию, – жизнь эта выглядит, оказывается, сухим эпилогом, послесловием к маленькой повести в полгода длиной. К той волшебной моей зиме, когда мне доверился бог...»

И в финале повести происходит необъяснимое.

Три ипостаси сливаются. Герой-гений, герой-его-друг и сам Бог вдруг становятся одним существом. Не понять, кто говорит, а кто слушает и слышит; кто плывет в ночной, предрассветной реке, а кто видит этот заплыв; кто трогает рыжие водоросли, внезапно становящиеся рыжими волосами женщины, что так любил гладить, осязать, целовать гениальный, светлый, почти античный мальчик. «Я ложусь в воду – ничком на расчесанные пряди травы, запускаю руки в эту рыжую гриву, погружаюсь с головой в прозрачное струение, открываю

глаза и лежу, чувствуя, как живая прохлада наполняет иссохшие мои жабры.

Я лежу и слушаю ровное дыхание спящего бога».

Жабры, значит, я рыба, водяная тварь и все живое, безразумное и бессловесное; «погружаюсь с головой» – значит, я тону, я умираю, меня нет; и все-таки я живу, потому что и по смерти будет жизнь, будет струение воды, живая влага, ласка и счастье, мое светящееся во тьме сердце. Так уравновесятся смерть и жизнь. И мне, Богу, не надо разыскивать по закоулкам Земли свою единственную формулу. Она – это я.

Она – это ты, и ты, и ты тоже; это каждый из нас.

Удивительное художество. Большой шаг писателя. Большая радость читателя.